

Каменский Евгений Георгиевич

Юго-Западный государственный университет,
г.Курск, Российская Федерация
kamenskyeg80@gmail.com

Гримов Олег Александрович

Юго-Западный государственный университет,
г.Курск, Российская Федерация
grimoleg@yandex.ru

Цифровизация в России: ландшафты общественного мнения³³¹

Аннотация. В статье определены и верифицированы системы показателей общественной рефлексии проблем цифровизации в России, построены и эмпирически описаны их ландшафты. В результате изучения проблемы общественной рефлексии декларативов цифровизации, имеющих политически-императивный для народного хозяйства и социокультурной жизни России характер, можно говорить о том, что в реальности они не выдвигаются на первый план партнерского диалога в институтах общества. При всей актуальности цифровизации, она не обеспечена ни политическим запросом элитарных групп, ни исследовательским интересом общественных наук, ни пониманием сути вопроса основными группами населения.

Ключевые слова: индустрия 4.0; цифровые технологии; общественное мнение; социотехнический ландшафт; технологический прогресс; социальные изменения

Kamensky Evgeny Georgievich

Southwest State University,
Kursk, Russian Federation
kamenskyeg80@gmail.com

Grimov Oleg Aleksandrovich

Southwest State University,
Kursk, Russian Federation
grimoleg@yandex.ru

Digitalization in Russian Federation: landscapes of public opinion³³²

Abstract. The article defines and verifies the systems of indicators of public reflection of the problems of digitalization in Russian Federation, their landscapes are constructed and empirically described. As a result of studying the problem of social reflection of digitalization declarations, which are politically imperative for the national economy and sociocultural life of Russian Federation, we can say that in reality they are not highlighted in the partnership dialogue at the institutes of society. Despite the relevance of digitalization, it is not provided with either the political request of elite groups, the research interest of the social sciences, or an understanding of the essence of the issue by the main groups of the population.

---

³³¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 19–18–00504.

³³² The research is financed by the Russian Science Foundation, project No. 19–18–00504 “Sociotechnical environment of digital reality: ontological matrices, ethical and axiological regulative structures, roadmaps, and information support for management decision-making”

Keywords: industry 4.0; digital technologies; public opinion; social and technical landscape; technological progress; social changes

Введение

Современные социально-экономические процессы в России имеют во многом противоречивый характер, и все еще определяются как «догоняющая модернизация». Однако цель интеграции страны в глобальные тренды научно-технологического прогресса, обеспечивающего направления мировой экономики, остается актуальной. Статус транснационального «хайпа» сегодня имеют так называемые цифровые технологии, «цифровизация» в контексте парадигмы Четвертой промышленной революции.

Именно «цифровизация» в актуальном политическом дискурсе России вытеснила наиболее популярные социально-экономические идеологемы недавнего прошлого, среди которых «нанотехнологии», «инновации», «конвергентные технологии» и им подобные. При этом такие лозунги перехода к новым технологическим укладам зачастую не до конца осмыслены не только рядовыми гражданами страны, но и в среде политиков и научно-экспертного сообщества. Вследствие этого требуется всесторонняя социогуманитарная рефлексия цифровизации.

Подчеркнем, что изучение экспертных оценок нуждается в подборе гибких инструментов, позволяющих установить не столько количественные показатели, сколько содержательную специфику оценки проявлений и перспектив цифровизации. В процессе изложения материала будет проведен сравнительный анализ результатов качественных и количественных исследований различных номинальных групп.

Анализ последних исследований и публикаций.

Особо подчеркнем, что какие-либо масштабные социологические исследования общественного восприятия российскими гражданами идеологем и реальных процессов цифровизации отсутствуют в русской социологии в принципе. Не представлены и зарубежные работы в этой области. Тем не менее можно назвать ряд авторов, исследующих сопряженные с технологическим развитием общества проблемы, чьи работы посвящены: социо-гуманитарным аспектам конвергентных технологий и технонауки [Асеева, 2017; Aseeva, 2016], интерфейсам социологии и киберпространства [Романовский, 2000], кризису техногенной цивилизации и инновационному развитию [Воев, Kamensky, 2015], социогуманитарной экспертизе биомедицинских инноваций [Аршинов, Асеева, Буданов, Гребенщикова, Гримов, Каменский, Москалев, Пирожкова, Сущин, Чеклецов, 2015], этическим аспектам NBIC-Convergence [Grebenshchikova, 2016], новой парадигме социологии в сложном социуме [Кравченко, 2012], социокультурным трансформациям глобальной модернизации [Matveeva, Sarapultseva, 2018], проблемам цифровой культуры [Rius-Ulldemolins, Recourt, Arostegui, 2019], социологическому анализу Big data [Cointet,

Parasie, 2018], социологии частной жизни [Anthony, Campos-Castillo, Horne, 2017], социологическим исследованиям цифровых медиа [Fero, 2015], культурного киберутопизма [Rius-Ulldemolins, 2015].

Целью статьи является презентация ландшафтов массового сознания россиян в отношении нарождающейся цифровой техно-реальности на основе масштабных эмпирических социологических исследований. Решение такой задачи имеет не только сугубо научную, но и политико-экономическую ценность, так как позволит понимать реальный социокультурный ландшафт «цифровизации» России в общемировом контексте. Исследование имеет разведовательный характер и служит инструментом апробации методик изучения поставленной в статье проблемы.

Эмпирическая база исследования.

Для достижения цели было проведено пилотажное эмпирическое исследование методом полупоформализованного экспертного интервью (N=60), а также массового (N=900) интернет-опроса и экспертного (N=150) анкетного опроса. В выборку вошли специалисты различных сфер науки и практики, связанные с применением, развитием и экспертизой новейших цифровых технологий, а также категории населения, не имеющие экспертного статуса по указанным критериям. Кроме того, экспертная группа при количественном исследовании включала в равных пропорциях (N=75 по каждой номинальной группе) как российских (институт философии РАН РФ), так и белорусских ученых, представляющих институт философии НАН Беларуси, что позволило провести сравнительный анализ существующих позиций. Исследование проведено мае-ноябре 2019 года.

Результаты

Само понятие «цифровые технологии», несмотря на частотность употребления, нуждается в прояснении, так как иначе рискует стать «общим местом» новомодного дискурса без предметного содержания. Такие концепты зачастую обусловлены лишь конъюнктурно, но при этом успешно функционируют как мифы и идеологемы.

Уже первый вопрос о том, как сами эксперты понимают термин «цифровые технологии» показал весь диапазон мнений. Одна из трактовок обобщает под «цифровыми» всевозможные информационно-коммуникативные технологии, обеспечивающие автоматизацию управления технологических процессов. Такой подход определяет «зонтичность» концепта, которая приводит к терминологической путанице. Это, по мнению некоторых экспертов, *«сделано специально, чтобы на этой поляне легче было пилить деньги»*. Такая практика конъюнктурно обусловлена и ставит вопрос о введении более адекватного термина для «цифровой» реальности: *«Цифровые технологии напоминают мне погремушку....Мы тянемся к ней, не понимая, что это такое. Я юрист и определяю цифровые технологии в узком смысле как*

информационно-коммуникативные технологии, применяемые, в том числе, в правовой сфере».

Количественно мнение экспертов подтверждает тезис о необходимости специализации понятия: 51.7 % российских экспертов не смогли дать его четкого определения. Ознакомленные с вопросом сводили его к обобщенной формулировкам «электронные (компьютерные) технологии» (85.7 %), «технологии, основанные на кодировке информации» (71.4 %) и «любые технологии взаимодействия с компьютером» (42.9 %). Среди белорусских экспертов не отмечено никого, кто бы отметил бы непонимание модного термина, но почти в 90 % случаев цифровые технологии определялись очень широко, как «технологии, связанные с компьютеризацией».

Обобщенно статистика массового опроса населения иллюстрирует те или иные точки идеологического «хайпа», связанного с цифровизацией. Наибольший процент населения знает такие понятия, как искусственный интеллект (92.8 %) и криптовалюта (79.3 %). «Большие данные» отражаются в осведомленности и её отсутствии почти поровну – 48.1 % и 51.9 %. С такими понятиями как Индустрия 4.0 59.2 % незнакомы и 39.8 % знакомы; Блокчейн – 61.2 % незнакомы и 37.3 % знакомы. При ответе на открытый вопрос осведомленные респонденты характеризовали их обобщенно как антропоморфные сущности, искусственный интеллект, *«разум, решающий задачи как человек, но лучше него»*, или как роботизацию.

Сами эксперты отдельное внимание уделяют изменению технологической архитектуры способа обработки информации, заложенного в принцип цифровизации: *«это способ обработки информации с помощью двоичного кодирования. Исходя из этого, важен вопрос: как внедрить цифровые технологии в практику управления социальными системами? Ведь мы должны ставить задачу перехода от управления информацией к управлению обществом»*.

Замена «аналога» «цифрой», как указывают отдельные эксперты, связана с тем, что цифровой метод обработки информации обеспечивает защищенность (или иллюзию таковой), может быть широко распространен благодаря своей универсальности. На более общем уровне он способен к самовоспроизводству – *«машина может сама себя программировать, что приведет к вытеснению с рынка труда программистов низкой квалификации»*.

Большинство экспертов считают, что «цифра» не уничтожает полностью прежние практики, а дополнит их как более удобный интерфейс. Цифровые и аналоговые устройства все еще дополняют друг друга, что ставит задачу поиска *«границы между аналоговым и цифровым. Данная граница осуществляется через систему датчиков, которые позволяют оцифровать среду и деятельность человека»*.

Влияние современных цифровых технологий на человеческую жизнь, бесспорно. Но как можно оценить это влияние?

Независимо от пола и возраста, респонденты из числа основных групп населения в большинстве равнозначно признают и социальную пользу, и риски развития цифровых технологий – 69.9 %. Также 19.3 % видят в них только пользу, а 3.4 % только вред. При этом совокупно 79.2 % опрошенных признают, что цифровые технологии меняют жизнь очень значительно (35.0 %) и значительно (44.2 %). 8.1 % полагают, что изменения незначительны, а еще 5.6 % говорят, что их вообще нет. При этом последние категории составляют преимущественно представители старшего возраста (50 лет и старше – 89.1 %), а молодежь остро чувствует перемены – 98.7 %, среди которых большинство в возрасте 30–40 лет (63.2 %).

В свою очередь, большее число экспертов – представителей Беларуси отметили, что спрогнозировать реальные последствия цифровизации вообще невозможно – 21.4 % против 15.4 % экспертов-россиян. Также более оптимистично россияне смотрят на перспективы цифровизации при оценке её последствий как равнозначно «положительных и отрицательных» (76.9 %, против 50.0 % белорусов). Более чем в два раза больше белорусские эксперты боятся негативных последствий цифровых технологий – 14.2 % против 7.0 % российских. Последние рассматривают влияние цифровых технологий через категории институционального порядка и выработку принципов их социальной регламентации.

– «Цифровизация может влиять как положительно, так и отрицательно на все области жизни... Сейчас она влияет отрицательно. Нарушен принцип, по которому за моделью жизнедеятельности следует экономическая модель, а лишь за ней модель цифровизации. А на практике у нас – все наоборот. На национальные проекты по цифровой экономике выделяются деньги, но их не могут освоить, не знают, на что тратить...»

«Цифровые технологии уже сказываются на нашей жизни. То, что власти на это обращают внимание, – это правильно, но эти процессы в очень небольшой степени государством контролируются. Важно, чтобы были определены разумные политики – экономические, социальные и т.д.

Проблема управления цифровыми технологиями должна отвечать не только критериям технологической и экономической целесообразности. Данный тезис постоянно подчеркивается экспертами: значение цифровых технологий в деле общественного развития, повышения уровня общественного участия могло бы быть больше, если бы процессы цифровизации опирались на разработку и внедрении гуманитарных технологий, основанных на ценностях. Иначе возникают кризисы:

– «когда возникают практики, которым человек отдает временной ресурс, это происходит за счет ущерба другим культурным практикам.... Возникает новая когнитивная карта, где мы наблюдаем деградацию»;

– «мы опускаемся до уровня слабенького искусственного интеллекта, в то время как нужно сотрудничество, при котором человек сохраняет компетенции»;

– «рано говорить о ценностях, когда еще не выстроена среда. А существующая среда организована таким образом, что заставляет нас под нее подстраиваться».

Эксперты сходятся во мнении, что цифровые технологии – большой вызов для общества и требует проработки различных сценариев. Важным для осмысления и прогнозирования развития цифровых технологий является нахождение значимых объектов цифрового воздействия – социальных сфер и институтов.

Наибольший приоритет население отдает 3D-печати (57.4 %) и технологиям виртуальной / дополненной реальности (53.3 %). Искусственный интеллект, робототехника (48.2 %), новые вычислительные технологии (46.2 %) и криптовалюта (43.3 %) имеют вторую ранговую позицию как наиболее развитые по мнению населения цифровые технологии. Распределение выглядит так: повсеместно связанные датчики (21.8 %); большие данные (18.3 %), блокчейн и распределенная бухгалтерия (15.7 %). Однако такое мнение населения не отражает фактического положения дел в технологической сфере России.

В свою очередь большинство экспертов указывают, что наибольшее влияние цифровых технологий испытывает экономика – это подтверждают многочисленные технологии: блокчейн, криптовалюта, и их комплексы – Индустрия 4.0 и т.д. Однако, при количественной оценке результатов экспертного опроса наибольшее влияние прогнозируется ими на сферу социальных коммуникаций и взаимодействий. Так полагают 76.9 % российских экспертов и 51.7 % белорусских. Сфера экономики действительно актуализируется российским экспертным сообществом, но оценивают они её по второй ранговой позиции – 46.2 %.

Дальнейшее распределение позиций белорусских экспертов выглядит иначе. Второй ранг у них занимает духовная и материальная культура – 35.7 %. Экономика и политика занимают последнюю ранговую строку – по 14.3 %. Российские же эксперты оценивают позицию «материальная и духовная культура» схоже лишь в процентном распределении ответов – 30.8 %, отодвигая в ранговом распределении её на третье место. Аналогично белорусам российские эксперты оценивают степень влияния цифровых технологий на политическую сферу – 7.7 %. Массовая и личностная психология среди представителей обеих экспертных групп имеют близкую оценку (российские – 23.1 %; белорусские – 28.6 %), но разнятся по ранговому (российские – 4; белорусские – 3). Следовательно, наиболее существенная разница наблюдается при оценке именно экономики как объекта цифровых технологий.

Репрезентативно экспертным мнениям выглядят результаты опроса населения о причинах использования цифровых технологий в жизни людей. Личная инициатива превалирует – 42.1 %. Тем не менее массовая цифровизация социальных практик и коммуникаций набирает обороты – 21.3 %, на третьем месте причины, связанные с профессиональной деятельностью – 16.8 %. На какие-либо довлеющие обстоятельства указывают лишь 3.0 % опрошенных.

Эксперты отмечают существенное изменение правовых отношений в контексте цифровых технологий: *«Возникают новые типы отношений, которые ранее или не могли быть отрегулированы или не требовали регулирования вовсе. Появляются отношения между новыми правовыми субъектами, которые пока не реализуются без участия человека. Наконец, стоит выделить проблему наделяния правосубъектностью нечеловеческих существ (роботов, например). Зачем стирать грань между субъектом и имуществом? К чему это приведет?»*.

Наделение non-human акторов субъектной сущностью актуализирует важную онтологическую проблему – вопрос демаркации человеческого и нечеловеческого, а шире – организма и механизма, физического и нефизического. Не менее остро экспертами ставится вопрос о технологическом и правовом обеспечении регулирования сферы цифровых технологий, что может на практике приводить к коллизиям (например, судебное постановление о блокировке мессенджера Telegram на территории РФ столкнулось с невозможностью обеспечения из-за применения пользователями Telegram определенных фильтров, позволяющих обходить закон и остаться незамеченными).

Всеми экспертами отмечалось влияние цифровых технологий на институт образования. Влияние это – двойко. С одной стороны, цифровые технологии могут служить средством развития новых компетенций, упростить выполнение рутинных операций, обеспечить развитие креативных способностей. С другой, неконтролируемое увлечение детей и подростков гаджетами и электронными технологиями приводит к снижению их когнитивных способностей, утрате коммуникативных навыков, деградации их эмоционального интеллекта. В частности, 95.3 % молодежи в возрасте до 30 лет получают информацию о самих цифровых технологиях в Интернет. Однако вряд ли это можно считать подтверждением таких опасений. Здесь просто «цифра» информирует о «цифре». Тем более, что 89.6 % населения возрастом свыше 50 лет имеют какие-либо сведения о цифровых технологиях из случайных источников (55.3 %), СМИ (17.2 %), от друзей и знакомых, коллег (16.3 %), чуть более 15 % не интересуются этой темой вообще. При этом 86.5 % из числа опрошенных до 50 лет интересуются темой цифровизации.

В частности, показательно мнение населения о том, несут ли современные цифровые технологии риски и угрозы для общества в целом. Большинство выражают спокойствие: угроз нет (26.8 %) или скорее нет (25.3 %). Сомневаются в безопасности цифровых технологий 24.7 %, а уверены в опасности всего 7.2 % из всех групп населения. Среди отмечающих возможные угрозы и риски цифровизации респонденты массово указывают на *зависимость от составляющих её технологий, отчуждение и одиночество, инертность мышления и отсутствие его критичности, «киборгизацию», рост новых видов преступности (например, хакерства), безработицу, а в ряде случаев и на техногенные экологические катастрофы*.

Количественное распределение экспертных позиций еще более наглядно иллюстрирует определенные прогнозы о появлении или обострении социокультурных и психологических проблем. Ранговые шкалы обеих экспертных групп схожи (Табл.1).

Таблица 1. Основные угрозы цифровизации (экспертное мнение)

Российские эксперты			Белорусские эксперты		
Ранг	Показатель	%	Ранг	показатель	%
1	виртуализация общественной и личной жизни, социальная изоляция	53.8	1	виртуализация общественной и личной жизни, социальная изоляция	42.9
2	интеллектуальная деградация	38.5	2	интеллектуальная деградация	28.6
3	нравственную деградацию, разрушение морали	38.5	3	нравственную деградацию, разрушение морали	21.4
4	ухудшение здоровья, снижение качества жизни	23.1	4	ухудшение здоровья, снижение качества жизни	21.4
5	социальные неравенство	23.1	5	все перечисленное	21.4
6	рост безработицы		6	рост безработицы	14.3
7	все перечисленное		7	социальные неравенство	14.3
8	ничего из перечисленного		8	ничего из перечисленного	14.3

Население также основной проблемой видит виртуализацию жизни. Но совокупно 59.4 % от числа опрошенных отмечают, что цифровизация не создает у них психологического дискомфорта. Но 28.4 % отмечают его, а 12.2 % не смогли определить свое состояние. Наибольший дискомфорт испытывают граждане в возрасте от 30 до 50 лет (64.2 % от номинальной группы), а более старшие респонденты составляют основную категорию затруднившихся с ответом (85.3 % от номинальной группы). Массовый оптимизм выражают молодые люди до 30 лет (72.6 % от номинальной группы).

Испытывающие эмоционально-психологический дискомфорт ранжировали проблему (Таблица 2).

Таблица 2. Основные факторы психологического дискомфорта в результате развития цифровых технологий (массовый опрос населения)

ранг	Показатель	%
1	Замена реальной жизни на виртуальную	63.9
2	Рост безработицы, замена людей компьютерами	52.8
3	Компьютерная психологическая зависимость	50.0
4	Вероятность утери конфиденциальных данных	47.2
5	Уничтожение или изменение природы человека	34,7
6	Вероятность экологических катастроф	26.4
7	Разрушение культурных традиций и ценностей	19.4
8	Вероятность технологических аварий и катастроф	16.7

Очевидно и общее повышение уровня комфорта, что отмечено экспертами: «Уже сейчас многие сюжеты жизни с приходом цифровых технологий стали более комфортными. Например, нам необязательно идти в магазин за каким-

либо товаром, мы можем заказать его онлайн, не выходя из дома, не говоря уже о таких сложных вещах, как документооборот...»

Экспертный прогноз положительных сторон цифровых технологий представлен в Таблице 3.

Таблица 3. Экспертный прогноз основных успехов решения социальных проблем в процессе цифровизации

Российские эксперты			Белорусские эксперты		
Ранг	Показатель	%	Ранг	показатель	%
1	Цифровые технологии никак не помогут решению современных социальных проблем	53.8	1	развитие межкультурных коммуникаций, толерантность	50.0
2	личностное развитие, расширенный доступ к ресурсам самореализации	38.5	2	личностное развитие, расширенный доступ к ресурсам самореализации	42.9
3	развитие межкультурных коммуникаций, толерантность	30.8	3	социальное равенство в виртуально-сетевой среде	28.6
4	социальное равенство в виртуально-сетевой среде	23.1	4	повышение уровня здоровья и продолжительности жизни	14.3
5	повышение уровня здоровья и продолжительности жизни	0	5	цифровые технологии никак не помогут решению современных социальных проблем	14.3
6	снижение безработицы, повышение уровня жизни	0	6	снижение безработицы, повышение уровня жизни	7.1

Как видно, ранги по группам экспертов различны. Если белорусы успехи развития цифровых технологий видят в развитии межкультурных коммуникаций и толерантности, то российские эксперты в большинстве выражают скепсис, полагая, что цифровые технологии никак не будут способствовать решению современных социальных проблем. Единодушие наблюдается лишь по поводу возможностей личностного развития и самореализации – 2-й ранг.

В условиях трудного осуществления прогнозов развития цифровых технологий ряд экспертов предлагает их апробацию в евразийском пространстве, что актуально для политической и культурной интеграции России. Эксперты, однако, сомневаются в необходимости государственной и/или иной протекции цифровых технологий. Многие сетевые феномены и социальные технологии (например, краудсорсинг) возникают благодаря особой архитектуре коммуникативных Интернет-сетей, чертами которой являются гибкость, равноправие, децентрализация, относительно слабый контроль и отсутствие четкой иерархии.

Процесс цифровизации является общецивилизационным, но в то же время на практике развитие и внедрение цифровых технологий сталкивается с особыми реалиями (политико-правовыми, культурными, экономическими и т.д.) той или иной страны. В Таблице 4 приведена количественная оценка основных барьеров цифровизации в сравнении изучаемых экспертных групп, иллюстрирующая значительные национальные различия между ними.

Таблица 4. Основные барьеры цифровизации (экспертная оценка)

Российские эксперты			Белорусские эксперты		
ранг	Показатель	%	ранг	показатель	%
1	социокультурные	53.8	1	социокультурные	42.9
2	Технологические	38.5	2	административные	35.7
3	Юридические	30.8	3	затрудняюсь ответить	21.4
4	административные	23.1	4	юридические	14.3
5	Психологические	23.1	5	психологические	14.3
6	все перечисленные	15.4	6	технологические	14.3
7	затрудняюсь ответить	0	7	все перечисленные	14.3

В связи с этим экспертам также было предложено ответить на вопрос о том, какова специфика цифровизации в России, есть ли особый российский путь или Россия должна повторять мировые тенденции.

Половина российских экспертов (50.0 %) полагают, что определенная специфика развития цифровых технологий в России существует, но в общем она следует общемировому вектору. Сторонники крайних позиций, что российской специфики не существует и что Россия сознательно должна избрать в процессе цифровизации собственный путь, распределились поровну – по 25.0 % соответственно. В уникальность «русской матрицы» и её объективное влияние на российскую цифровизацию не верит никто из отечественных экспертов, но среди белорусских коллег так считают 7.7 %. При этом в большинстве белорусские ученые солидарны с российскими в оценке того, что Россия следует мировому вектору цифровизации, имея определенную национальную специфику – 42.6 %. Об объективной уникальности России и необходимости идти собственным путем в построении «цифровой среды» говорят по 7.7 % белорусских экспертов соответственно.

Кроме того, в качественном исследовании был высказан ряд важнейших замечаний и соображений: *«государство пока не понимает, что делать с возникающими в сфере цифровых технологий отношениями и как их регулировать»*; *«поддержка цифровых практик часто носит имитационный характер, сейчас мы находимся на пике «хайпа», а вскоре нас ждет спад»*; *«большинство из нас еще не готово к цифровому рывку»*.

Очевидно, что современное государство, претендующее на передовые позиции по развитию цифровых технологий, не может держать курс на изоляцию от внешнего мира: *«Технологии глобальны, они не составляют секрета, когда развиваются. Те усилия, которые сейчас направлены на автономизацию, вызывают у меня много возражений. Конечно, автономия города, страны или даже отдельного института может быть разумной в отдельных случаях, но общеполитическая идея изоляции от остального мира – неверная стратегия»*.

Экспертами отмечается, что цифровые технологии могут повлечь за собой ряд важнейших экономических и политических последствий: *«цифровые технологии по сути это проект социализма с цифровым лицом, отказ от общества потребления»*;

«цифровые технологии влекут угрозу появления «цифрового концлагеря» – т.н. китайский вариант»; «может стать значительной роль репрессивных аппаратов»; «бегство в цифровую экономику – это серьезный вызов. Ведь речь об экономике без посредников, без государства, без банков...Пока у нас человек ради экономики – успеха не будет».

Как видим, эксперты в целом рассматривают современную стадию цифрового развития как особую точку фазового перехода, переход через которую чреват труднопрогнозируемыми последствиями. Тем актуальнее вопрос об альтернативах цифровизации (Таблица 5), где отражаются социально-гуманистическое мировоззрение российских экспертов и тотальная неопределенность белорусских.

Таблица 5. Альтернативы цифровизации (экспертное мнение)

Российские эксперты			Белорусские эксперты		
ранг	показатель	%	ранг	показатель	%
1	социальные технологии	30.8	1	затрудняюсь ответить	42.9
2	конвергентные технологии	23.1	2	не ответили	35.7
3	затрудняюсь ответить	23.1	3	когнитивные технологии	21.4
4	экологический подход, де-технологизация, возвращение к Природе	7.7	4	социальные технологии	15.4
5	биотехнологии	7.7	5	конвергентные технологии	7.7

На этом фоне любопытно выглядит распределение мнений населения РФ о перспективах замены человека цифровыми технологиями. Большинство к сферам, где это возможно и/или желательно, относят освоение космоса (92.3 %), промышленность, сельское хозяйство (89.9 %), финансовые операции на биржах и аналогичные (86.0 %), ликвидация последствий ЧС (84.2 %), документооборот (77.4 %), общественный и личный транспорт (64.4 %). Категорически отрицают такую возможность граждане в сфере правосудия (91.2 %), образования (89.8 %), медицине (78.6 %), несколько более сдержано в правоохранительной сфере (61.2 %) и военных технологиях (55.6 %). Вопреки мнениям о виртуализации досуга, эта сфера занимает срединное положение в позициях населения: замена возможна – 52.8 %, невозможна – 47.2 %. При этом регулярность использования тех или иных информационных ресурсов отмечается именно в досуговой сфере (68.8 %) и при оплате штрафов (78.6 %), а также максимально часто в сфере стандартных межличностных коммуникаций (88.2 %), среди всего возможного спектра массового пользователя. Общий уровень владения цифровыми технологиями самими опрошенными может быть оценен по 10-ти балльной шкале как «несколько выше среднего» – около 6.5 баллов, среди которых ожидаемо старшее поколение (4 балла) существенно отстает от молодежи (8.5 балла).

На фоне высказанных мнений иллюстративен анализ результатов экспертного опроса по поводу ряда конъюнктурных и массовых мифологем цифровизации. В частности, белорусские эксперты в большинстве скептически в отношении реальной возможности порабощения человечества искусственным интеллектом (64.3 %), чем

российские (41.7 %). Первые видят такую возможность в 21.4 % ответов, вторых же половина (50.0 %) от общего числа номинальной группы. При этом затруднившихся с ответом в белорусском сообществе намного больше (14.3 %), чем в российском (8.3 %). То есть российские специалисты разделены на два противоположных лагеря по данной позиции, в то время как представители Беларуси преимущественно верят в такой неблагоприятный исход.

Говоря о мифологемах «спасения человечества искусственным интеллектом» уже обе национальные группы экспертов в большинстве признают её утопичность – в обеих чуть более 50 % соответственно. При этом и белорусские эксперты, и российские, полагают, что такого мифа вообще не существует – 21.4 % и 25 %, а верят в его реальность всего 14.3 % и 16.7 % из них соответственно. В то же время 75.0 % российских ученых считает реальностью мифологему о тотальной слежке как цели современных цифровых технологий, тогда как среди белорусов таких 57.1 %.

Также в большей степени считают фактом мнение о том, что цифровые технологии есть способ обогащения элит (50.0 %) именно россияне. Белорусы здесь представлены равно «за» и «против» (по 36.7 % соответственно). Они же иллюстрируют большие затруднения с формулировкой какой-либо позиции вообще (14.3 %) на фоне отсутствия таковых в российской группе. При этом треть (33.3 %) ученых из России вообще полагают, что в общественном сознании такой миф не существует, а белорусы представлены здесь более чем в два раза меньше – 14.3 %. На фоне таких данных стоит акцентировать распределение ответов участников массового опроса населения. В их глазах крупный бизнес является существенным выгодоприобретателем от внедрения цифровых технологий (23.4 %), все же уступая общецивилизационной объективной выгоде (36.0 %). Следующими по рангу группами выступают «обычные люди, пользователи, потребители» (17.3 %) и политические элиты (12.7 %).

Также мало кто и из экспертов сомневается в том, что Индустрия 4.0 – лишь форма глобального капитализма. Белорусы здесь представлены в количестве 71.4 %, против 58.3 % россиян. Однако в то, что цифровые технологии создают природу и социум "третьего порядка" российские ученые верят в несколько большей степени – 41.7 % против 35.7 % белорусских. Однако так же 35.7 % белорусских экспертов отрицают этот миф, когда среди российских таких 16.7 %. Однако ученые из РФ больше склоняются к позиции, что такого мифа не существует вообще – 41.7 %, а зарубежных в два раза меньше – 21.4 %. Такое же количество россиян (41.7 %) полагают, что мифа о достижении технологической сингулярности за счет цифровизации нет, или он является утопией (50.0 %). При этом почти треть белорусских респондентов (28.3 %) никак не смогли выразить свою позицию, в реальность мифа верят 36.7 %, а в утопичность 28.6 % из них.

Подавляющее большинство российских экспертов не верят в возможность достижения стадии Сверхчеловека или Постчеловека как одну из самых тиражируемых мифологем современной цифровой революции. Белорусы в основном отрицают такой

исход – 57.1 %. Также допускающих эту возможность за счет цифровых технологий в России в два раза больше, чем в Беларуси: 25.0 % против 14.3 %. С другой стороны, около половины всего экспертного сообщества союзных государств полагают, что миф о скором создании человеко-машинных симбиотов, «киборгов» вполне реален. При этом в то, что России за счет бурного развития цифровых технологий может реализовать это, верят лишь 8.3 % российских экспертов, в то время как белорусы настроены почти втрое оптимистичнее в отношении союзников – 21.4 %.

Выводы

Предварительно, на основе экспертной оценки и пилотажного описания ситуации в общественном мнении, можно сделать вывод о том, что если сегодняшние мифы киборгизации начнут сбываться, то Россия не будет той социальной и технологической площадкой, где произойдет этот эпохальный «скачок» сингулярности.

Так или иначе, но независимо от взглядов на вопрос о принципиальной уникальности цифровых технологий, все эксперты и население РФ в целом сходятся во мнении, что их развитие актуализирует ряд задач, которые, связаны с преодолением их дегуманизирующего и отчуждающего эффекта. Главными средствами нивелирования рисков взаимодействия человека и «цифры» (машин, роботов, гаджетов), гуманизации этого процесса представляется мониторинг индивидуальных и институциональных опытов цифровизации в отдельных сферах жизни. Консолидация человеческих и технологических ресурсов приведет к построению саморазвивающихся рефлексивных активных сред.

В таких субъектно-ориентированных пространствах будет решаться проблема цифрового бессмертия и иные все еще фантастические сценарии. Новые ландшафты цифровой реальности должны будут учитывать баланс человеческой и нечеловеческой субъектности, чтобы человек не становился придатком к технике и не только сохранял, но и развивал свои творческие и интеллектуальные потенции помимо конкуренции в глобальной цифровой экономике. Решению такой проблемы будут способствовать масштабная просветительская работа, создание действенных механизмов институциональной коммуникации технаучи, власти и населения, а также развитие социальных технологий социогуманитарной экспертизы научно-технического прогресса.

Библиографический список

Аршинов В. И., Асеева В. А., Буданов В. Г., Гребенщикова Е. Г., Гримов О. А., Каменский Е. Г., Москалев Е. И., Пирожкова С. В., Суцин М. А., Чеклецов В. В. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Методологические аспекты: коллективная монография. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. 238 с.

Асеева И. А. Социальные технологии: проблемы и противоречия функционирования в новом технологическом укладе // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 9. С. 7–13.

Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 19–28.

Романовский Н. В. Интерфейсы социологии и киберпространства // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 16–23.

Anthony D., Campos-Castillo C., Horne C. Toward a sociology of privacy // Annual review of sociology. 2017. Vol. 43. P. 249–269. DOI: 10.1146/annurev-soc-060116-053643.

Aseeva I. A. Anthropological and social measurements of modern technoscience. 3-rd International multidisciplinary scientific conferences on social sciences and arts (SGEM). Anthropology, archaeology, history and philosophy. 2016. Vol. 2. P. 613–620.

Boev E., Kamensky E. An innovation civilization in the context of the anthroposphere crisis of the technogenic society // Asian social science. 2015. Vol. 11(4). P. 328–335. DOI: 10.5539/ass.v11n4p328.

Cointet J-P., Parasie S. What Big data does to the sociological analysis of texts? A review of recent research // Revue française de sociologie. 2018. Vol. 59 (3). P. 533–557. DOI: 10.3917/rfs.593.0533.

Fero M. Digital media in perspective of sociological research of young people. International scientific conference on marketing identity – digital life. 2015. P. 314–326.

Grebenshchikova E. NBIC-convergence and technoethics – common ethical perspective // International journal of technoethics. 2016. Vol. 7(1). P. 77–84.

Matveeva A. I., Sarapultseva A. V. Problem areas in corporate culture formation in higher education system. Social and cultural transformations in the context of modern globalism (SCTCGM 2018). Vol. 58. P. 1351–1358. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.02.156.

Rius-Ulldemolins J., Pecourt J., Arostegui J. Contribution to sociological analysis of creativity and the digitization of cultural field: creation, intermediation and crises // Arborciencia pensamiento y cultura. 2019. Vol. 195 (791). DOI: 10.3989/arbor.2019.791n1004.

Rius-Ulldemolins J. Against cyber-utopianism: utopian discourse versus sociological analysis of the transition to the digital paradigm of the cultural sphere // Política y sociedad. 2015. Vol. 52. № 1. P. 153–178. DOI: 10.5209/rev_POSO.2015.v1.n52.45426.